Н.А. Чеснокова

Дипломатия на грани фола:
«верность», «долг» и «садэ» в Корее
в XVII–XVIII вв.

Корни дипломатических отношений между государствами Корейского полуострова и «Срединной империей» уходят к первым векам нашей эры. Китай считался оплотом «цивилизации», на который следовало равняться и полагаться. На дипломатическом уровне сложилась система *садэ* – почитания «старшего» государства «младшим».

В настоящей статье рассматривается двойственность социально-культурных отношений между корейским Чосоном (1392–1897) и маньчжурским государством Великая Цин (1644–1912). Несмотря на то что Чосон признал свое вассальное положение *садэ* по отношению к Цин, в самой стране культивировалась на государственном уровне верность «ушедшей» династии Мин (1368–1644).

Ключевые слова: династия Чосон, династия Цин, династия Мин, садэ, историческая память.

В древние времена люди говорили, что наша страна похожа по форме на [согбенного] пожилого человека. Он сидит, повернувшись в сектор свиньи [на северо-северо-запад], обратившись в сектор змеи [юго-юго-восток], лицом на запад, [словно] кланяется Китайскому государству. С древности [у Кореи] с Китаем хорошие отношения¹.

Ли Джунхван 李重煥 (1690–1756?)

«Описание избранных деревень»

(Тхэнниджи, 1751 г.)

С первых веков нашей эры, когда на Корейском полуострове существовали Три Государства (I в. до н. э. – VII в. н. э.), и вплоть до Симонсекского договора 1895 г. между Кореей и Китаем²

действовали особые дипломатические отношения, именуемые *садэ* 事大 – «почитание старшего [государства]». Политика *садэ* – основа конфуцианского миропорядка, когда страны, расположенные на периферии «цивилизованного» «Срединного государства», считались «младшими», «варварами». Корейцы заимствовали из Китая иероглифическую письменность, календарь, систему ритуалов, регулярно направляли посольства с дарами.

Однако *садэ* не всегда было безусловным. Это доказывают дипломатические отношения между корейским государством Великий Чосон (1392–1897) и маньчжурской империей Великая Цин (1644–1912) в XVII–XVIII вв., которая благодаря победе в войне сменила китайскую династию Мин (1368–1644), признавшую Чосон новым легитимным государством на Корейском полуострове и с тех пор выступавшую в роли «старшего» в *садэ*.

Для Чосон Мин, сменившая монгольскую империю Юань (1271–1368), выступала как образец нравственности и порядка: с первых веков установления нового государства на Корейском полуострове был взят курс на сближение с Мин и установление отношений *садэ*. Корейские правители получали от китайского императора инвеституру и письменное одобрение; регулярно направляли в Мин посольства, куда входило от 300 до 600 человек. Чосон использовал календарь Мин, каждый год посылаемый императором, и связывал свою историю с историей китайской, «встраивая» ее в китайское время, что являлось одним из доказательств вассалитета. Девизы правления чосонских ванов также были китайскими. Само название государства – «Чосон» – было выбрано Минским императором.

Поэтому закономерно усомниться в том, что корейцы относились к агрессорам Цин так же, как к Мин. Но как долго продолжалось противостояние? Проявлялось ли оно на международном уровне или оставалось завуалированным во избежание открытого конфликта?

Существуют несколько точек зрения на этот счет. В российском корееведении распространена версия, согласно которой основной период соблюдения *садэ* к погибшей династии Мин приходится на период правления ванов Инджо³ и Хёнджона⁴, т. е. на XVII в.⁵

Корейские специалисты лишь ненамного продлевают срок: «...после войны [Мин] с маньчжурами, особенно в поздний XVII – ранний XVIII вв., в Сеуле стали доминировать те, кто продвигал антицинские и проминские настроения, а также “карательный поход” на север. Этими людьми двигала вера в то, что Чосон – последний

бастион истинной цивилизации, “маленький Китай”. <...> Их заботила не сколько память о Мин, сколько отчаянное нежелание признавать Цин государством с подлинной моралью и этикой»⁶. Также корейские ученые считают, что рост корейского протоэтнического самосознания связан именно с тем, что «Срединным государством» стали бывшие «варвары»⁷. Действительно, в XVII–XIX вв. корейцы все чаще именуют себя «маленьким Китаем» 小[中]華 – «государством пусть и небольшим по площади, но имеющим собственные культурные корни и культуру, которая по значимости не уступает культуре “Большого Китая” и также оказывает влияние на окружающие “варварские государства”»⁸.

Тем не менее некоторые исследователи утверждают, что конфликта не было: «...хотя корейцы и негодовали в душе, что те, кого они считали необразованными варварами, стали править Империей, они признали маньчжурскую династию Цин легитимной и совершали по отношению к ней те же ритуалы, что и к другим китайским династиям»⁹.

Согласно нашей точке зрения, *садэ* по отношению к Мин продолжалось после гибели династии и не ограничивалось XVII – началом XVIII в. Опираясь на литературные памятники периода, а также современные научные исследования, выдвинем гипотезу о «двойной» политике *садэ*, проводимой корейскими правителями до конца XVIII в. при одобрении и поддержке населения, в первую очередь – подавляющего большинства образованного конфуцианского чиновничества.

Важным элементом в истории *садэ* в Корее стала Импджинская война 1592–1598 гг., победа Чосона в которой была достигнута во многом благодаря династии Мин. Как писал Н.В. Кюнер (1877–1955), «помощь, оказанная Китаем Корее во вторую японскую кампанию [1597], была очень велика. Общее число китайских войск составило 210 000 человек. С ними было доставлено 2 миллиона унций серебра на их содержание; из Шаньдуня было прислано на судах 200 000 мешков риса. Китаем была оказана также значительная денежная помощь корейской армии и голодающему корейскому населению»¹⁰.

В 1598 г., после смерти японского полководца Тоётоми Хидэёси 豊臣 秀吉 (1536–1598), японские войска, терпя одно за другим поражения от китайских и корейских отрядов, отступили, и территория Корейского полуострова оказалась освобождена от захватчиков. Но победа досталась корейцам дорогой ценой. Почти полностью были уничтожены армия и флот, нанесен значительный урон экономике страны, сельскому хозяйству, тысячи людей вынуждены

были искать новый дом и бежать прочь, еще большее число было увезено в плен или убито.

С окончанием Имджинской войны в Корее наметился конфликт между *садэ* и конфуцианским «чувством долга». Разоренная страна не могла выступать как полноценный противник и оказать какую-либо помощь задыхающейся под натиском маньчжур династии Мин, опасаясь и очередной войны на своей земле.

Современным историкам понятны мотивы правителя Кореи Кванхэгуна 光海君 (1575–1641, правление 1608–1623), который проводил искусную «двойную» политику, «оказывая военную помощь формальному “сюзерену” Кореи – Минской династии, – но в то же время тайно приказывая корейским солдатам уклоняться от активного участия в боях и ведя сложные переговоры с маньчжурами за спиной Минов»¹¹.

В XVII в. подобное отношение к «старшему» было равносильно предательству: реалистичная внешняя политика вана столкнулась с неприятием конфуцианской верхушки. Жестокие «чистки» рядов лишь спровоцировали всеобщее недовольство и заговор, результатом которого стала ссылка Кванхэгуна в 1623 г., а также казнь поддерживавших его чиновников и приход к власти нового правителя – вана Инджо.

В отличие от своего предшественника Инджо стал проводить жесткий антиманьчжурский курс, позволяя, в частности, минским войскам использовать корейскую территорию как базу для ведения войны¹². После того как в 1627 г. войско маньчжур захватило Сеул, Инджо был вынужден пойти на попятный и приступить к переговорам. Их итог, однако, был компромиссный: хотя Корея и маньчжурское государство признали друг друга «братьями», а Корея отправляла маньчжурам заложников, но, даже официально отказываясь от антиманьчжурской политики, она подчеркивала, что остается дружественной и к Мин.

На деле это выразалось в том, что корейцы активно снабжали припасами и продовольствием минские части, отказываясь поставлять что-либо маньчжурам.

Для утверждения своей власти над Чосоном маньчжурский владыка Хун Тайчжи (1592–1643, правление 1626–1643) воспользовался «языком» ритуала. В 1630 г. через своих послов он потребовал, чтобы Инджо лично совершил церемонию в древнейшем конфуцианском храме Сеула – Алтаре Земли и Злаков 社稷壇 (Саджиктан), «преподнеся» белую лошадь духу урожая, а черного быка – духу земли, чтобы подчеркнуть мирные отношения между Чосоном и маньчжурским государством¹³.

Но и после этого Чосон продолжал вести двойную игру, и в 1635 г. Хун Тайчжи потребовал у Инджо разорвать все отношения с Мин и признать «старшим» маньчжурское государство. Негодование абсолютного большинства придворных было настолько велико, что сообщивший об этих требованиях корейскому двору маньчжурский посол почел за лучшее бежать из Сеула ночью, оправданно боясь за свою жизнь¹⁴.

На следующий год Хун Тайчжи повел на Корею 130-тысячную армию и без особого труда захватил Сеул, вынудив Инджо отказаться от прежнего курса и признать *садэ* по отношению к маньчжурам. Несмотря на это, корейская конфуцианская верхушка еще долгое время тайно собирала войска для реванша – по иронии судьбы именно эти отряды в 1654 и 1658 гг. сражались на стороне Цин с русскими казаками.

Желая продемонстрировать свою власть и подчеркнуть «подчиненное» положение Чосона, Хун Тайчжи после подписания договора велел установить «Стелу заслуг и добродетелей императора Цин» 大清皇帝功德碑 (*Тэчхон хванче кондокти*, 1639), где было зафиксировано, что Инджо должен прекратить дипломатические отношения с Мин и начать выплачивать дань маньчжурам¹⁵. Стела была установлена в месте подписания договора. «Язык» ритуала был понятен каждому образованному корейцу и не требовал комментария.

В 1644 г., сломив сопротивление Мин, маньчжуры провозгласили империю Великая Цин, став новым «Срединным государством», и, как мы полагаем, в период 1644–1800 гг. правители Чосона придерживались единой модели поведения: в условиях *садэ* к Цин они сохраняли «верность» и «долг» – к Мин. Так, например, чиновники продолжали носить одежду образца Минской династии и следовать Минскому календарю¹⁶.

Почитание китайской династии было обусловлено конфуцианским этическим требованием «чжун» 忠 (кор. *чхун*) – «преданностью», понимаемой как основной «принцип отношения нижестоящего к вышестоящему»¹⁷, а также «и» 義 (кор. *ий*) – «долгом/справедливостью» в рамках отношений между старшим и младшим, одной из основополагающих категорий китайской философии¹⁸.

«Внешняя» сторона ритуала оставалась неизменной – корейские правители продолжали именовать себя «ванами», занимая подчиненное положение в *садэ*, направляли в новое «Срединное государство» послов с дарами, приветливо встречали гостей. Однако на «внутреннем» государственном уровне происходила смена ролей.

Примечателен датирующийся XVII в. эпизод из хроникальной летописи ванов Чосона «Драгоценное зеркало правящей династии» 國朝寶鑑 (*Кукчо погам*), приведенный западным миссионером Джеймсом Гейлом (1863–1937) в статье «Ханян (Сеул)» (1902):

Рядом с дворцом была выстроена башня под названием Мёнсоллу 明雪樓, где каждый из иероглифов означал, соответственно, 明 – «династия Мин», 雪 – «смыть, уничтожить», 樓 – «башня». Это был мемориал, хранящий скорбь корейцев по отношению к падению династии Мин. Когда в Корею прибыло первое посольство династии Цин... то правительство позаботилось о том, чтобы не чествовать их в Ведомстве Великого спокойствия *Тхэпхёнган* 太平 館, где прежде принимали посланников Мин, а в (расположенном поодаль. – *Н. Ч.*) Южном дворце Намбёльгун 南別宮, где стояла башня Мёнсоллу. «Что это? – спросили посол и его сопровождающие. – Мёнсоллу! Это памятник династии Мин?» – «Ни в коем случае, – ответил представитель корейского правительства. – К династии Мин постройка не имеет отношения. Это “Башня яркого снега”¹⁹. – «Как поэтично!» – воскликнул посол Цин²⁰.

Этические нормы «верности» и «долга» к исчезнувшей династии Мин демонстрируются здесь исподволь – через семиотическую систему, доступную для дешифровки несколькими способами. Также мы полагаем, что в данном случае эпизод показывает и лояльное отношение Цин (посол которого сразу верно перевел название башни) к демонстративным проявлениям «*чхун*» правителей Чосона.

Со своей стороны Цин были заинтересованы в том, чтобы Чосон стал их преданным вассалом. Старший сын Инджо, принц Сохён 昭顯世子 (1612–1645), пробыл в маньчжурском государстве заложником вместе со своим братом до 1644 г. и в Чосон вернулся процински настроенным. Через два месяца принц скоропостижно скончался²¹, а престол унаследовал его младший брат, известный по своему посмертному имени Хёджон 孝宗, настроенный антицински.

Расцвет культуры Цин в правление Сюанье 玄燁 (1654–1722, правление 1661–1722) и Хунли 弘 曆 (1711–1799, правление 1736–1799) совпадает с ростом интереса корейцев-интеллектуалов к истории, культуре, традициям и литературе родной страны и, как нам видится, с продолжением антицинской культурной деятельности – периодам правления Сукчона 肅宗 (1661–1720; правление 1674–1720) и Ёнджо 英祖 (1694–1776; правление 1724–1776).

Одно из значимых произведений «Корейского Ренессанса» XVIII в. – «Описание избранных деревень» 擇里志 (*Тхэнниджи*, 1751 г.). Его автор, Ли Джунхван 李重煥 (1690–1756?), так говорит о «языке» ритуала в дипломатических отношениях между Чосоном, Цин и Мин:

Хотя мы подчиняемся Цин, но правитель и подданные, старшие и младшие, не забывают о милости [оказанной Корее династией Мин], вернувшей [ее] к жизни в [год] *имджин*, – в этом состоит высокое чувство долга 大義理.

<...> [Ван] Сукчон должным образом [организовал] чугап [60 лет] 周甲 с падения династии Мин. Был построен алтарь Тэбодан 大報壇 [1705] в западной части сада Хувон дворца [Чхандоккун]. Императору Ваньли [1573–1619] был принесен жертвенный бык, и было приказано приносить [такую] жертву раз в год. Действующий правитель [Ёнджо] в год *кёну* [1750] также [велел проводить] жертвоприношение императору Чунчжэню [император Чжу цзянь, последний император Мин, 1627–1644], и это более чем великое дело!²²

В период XVII–XVIII вв. был осуществлен ряд проектов, которые можно однозначно толковать как «обращение» не только к народу, но и представителям Цин в Сеуле. Один из них – это реконструкция и расширение крепости Намхансансон 南漢山城²³ к юго-востоку от Сеула. Ее сооружение началось в 1624 г. по приказу Инджо, и спустя два года, через 45 дней после начала осады именно там король был вынужден признать маньчжурское государство «братом» и отправить своих сыновей в качестве заложников. В XVIII в., согласно приказам Сукчона и Ёнджо, на территории крепости был построен храм Хёнчольса 顯節祠 в память «о духах чиновников, которые отговаривали Инджо сдаваться маньчжурам»²⁴, и достроен второй этаж павильона Муманну 無忘樓, название которого можно перевести как «Башня, [чтобы] не забывать»²⁵.

Как заключительный штрих социокультурной картины XVII–XVIII вв. – сочинение «Полный сборник вышестоящих лиц» 尊周彙編 (*Чонджу хвипхён*), написанное по приказу вана Чонджо 正祖 (1752–1800; правление 1776–1800) и им же в 1800 г. отредактированное. В этой работе живо отразились проминские и антицинские воззрения в чосонском обществе, а также предпринятая в связи с этим деятельность корейских правителей с момента окончания Имджинской войны.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что *садэ* по отношению к Мин не утратило своего значения и в XVIII в., выразившись че-

рез интерес корейских интеллектуалов к истории и культуре своей страны и поиск доказательств, подтверждающих возможность Кореи стать «маленьким Китаем». Внутренняя политика корейских правителей также имела проминскую направленность.

Примечания

- ¹ Ли Джунхвап. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / Ред. Чхве Намсон. Кэйдзё (Сеул): Чосон кванмунхва, 1912. С. 65.
- ² Здесь и далее в статье под топонимами «Корея» и «Китай» подразумеваются государства, находящиеся в I–XIX вв. на территории современных Республики Корея, Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики.
- ³ Инджо 仁祖 (1595–1649, правление 1623–1649).
- ⁴ Хёнджон 顯宗 (1641–1674; правление 1659–1674) – внук Инджо, наследовал Хёджону 孝宗 (1619–1659; правление 1649–1659).
- ⁵ Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. С. 408. (Orientalia et Classica. Тр. Ин-та вост. культур и античности. Вып. 35.)
- ⁶ Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol. 2: Joseon Era / Transl. by Nahm Chaibong. Paju, Yongsaeon, 2010. P. 237.
- ⁷ Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W. Korea Old and New: A History. Seoul: Korea Institute, 1990. P. 150.
- ⁸ Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2009. С. 169.
- ⁹ Sources of Korean Tradition. Vol. 2: From the Sixteen to the Twentieth Centuries / Ed. by D. Baker N.Y.: Columbia Univ. Press, 2000. P. 5.
- ¹⁰ Кюнер Н.В. Отдельные главы о Корее (XLIX; рукопись). ИВР РАН. Оп. 91. № 4. С. 21.
- ¹¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. / Ред., сост. хронол. табл., сост. указ. Т.М. Симбирцева. М.: Наталис, 2011. С. 338. (Orientalia et Classica. Тр. Ин-та вост. культур и античности. Вып. 41.)
- ¹² Там же.
- ¹³ Clark D.N., Grayson J.H. Discovering Seoul. Seoul: RASKB, 1986. P. 331.
- ¹⁴ Тихонов В.М., Кан Мангиль. Указ. соч. С. 341.
- ¹⁵ Clark D.N., Grayson J.H. Op. cit. P. 159.
- ¹⁶ Clark D. Sino-Korean Tributary Relations under the Ming: The Cambridge History of China. Vol. 8: The Ming Dynasty. P. 2 / Eds. Denis Twitchett and Frederick W. Mote. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 273.
- ¹⁷ Китайская философия: энциклопедический словарь / Ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. С. 564.

- ¹⁸ Китайская философия... С. 133.
- ¹⁹ Каждый из иероглифов «Мёнсоллу» отдельно означает также: 明 – «ясный», «светлый», 雪 – «снег», 樓 – «башня».
- ²⁰ Gale J.S. Han-Yang (Seoul) [Электронный ресурс] // Transactions of the Royal Asiatic Society – Korea Branch. Vol. 2. P. 2. 1902. P. 1–43. URL: <http://www.raskb.com/content/full-texts-volume> (дата обращения: 22.09.2016).
- ²¹ Подробнее о судьбе принца Сохёна см.: *Симбирцева Т.М.* Указ. соч. С. 407–409.
- ²² *Ли Джунхван.* Указ. соч. С. 65–66.
- ²³ В 2014 г. крепость была включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.
- ²⁴ Одним из условий принятия капитуляции Инджо была сдача всех оппозиционеров с последующей казнью.
- ²⁵ *Clark D.N., Grayson J.H.* Op. cit. P. 286–287.